

Как всегда в первый день менструации, Она чувствовала себя хуже не-куда. Несмотря на это, пришлось засидеться на работе дольше обычного и возвращаться домой затемно.

Впрочем, из окон метро это было незаметно.

Она дождалась, пока освободится место на лавке, и уселась на нее, не обращая ни малейшего внимания на других желающих. У нее кружилась голова и подкашивались ноги, она текла, как Титаник, и была совершенно не виновата в том, что по привычке выглядела лучше всех.

Она раскрыла книгу и заснула над ней прежде, чем успела перевернуть страницу. Уши, отключаясь последними, еще успели услышать: «Осторожно, двери закрываются... Следующая станция...» Механический женский голос заткнулся на полуслове. Она провалилась в сон.

Проступок станционной смотрительницы, прозванной в народе «красной шапочкой» за служебную деталь туалета, объяснить нельзя. Известно, что ее обязанность — обезлюдить поезд перед тем, как отправить его в депо. Почему на сей раз она прошла мимо спящей красавицы, остается неизвестным. А ведь прошла. И даже покосилась на девуку. И даже будто бы оглянулась воровато. Но шаг не замедлила и просигналила, как ни в чем не бывало, что поезд свободен. Так-то...

... Она проснулась от того, что кто-то потрогал ее за плечо. Она открыла глаза и захотела открыть их еще раз, потому что вокруг было абсолютно темно. Второй раз глаза открываться не захотели, и пришлось довольствоваться тем, что есть. Рядом никого не оказалось.

Темнота проявлялась, как фото. Сначала заблестели перила, потом появились окна. Пустые вагоны казались в темноте огромными. Редкие лампочки на стенах тоннеля отбрасывали в разные стороны мохнатые голенастые тени.

Постепенно зрение привыкло к темноте достаточно, чтобы хорошенько разглядеть ситуацию и ужаснуться ей. Одна, ночью, в пустом запертом вагоне, который подадут на линию не раньше завтрашнего утра. И, самое омерзительное — эта набрякшая кровью неподвижность, страх одним движением расплескать все, что накопилось в трюме. Плюс, извините, малая нужда, которая через полчаса превратится в сущую пытку.

Она бы расхохоталась от безысходности, но побоялась делать резкие движения. Поэтому просто засмеялась шепотом.

— Доброй ночи. Как спалось? — сказал вдруг механический женский голос. Тот самый, который записан на кассете и объявляет названия станций.

— Хуже некуда... — Она почему-то не только не испугалась, но даже не удивилась. Все происходящее спасительно смахивало на сон.

— Жаль, — в Голосе не прозвучало ни одной эмоции. Он звучал громко, отдаваясь по всем вагонам.

— Мне тоже жаль. — Она посмотрела вокруг лукаво, как Алиса. — А ты кто?

— А ты кто? — повторил Голос. Он сел на полтона, как бывает, когда магнитофон «тянет» пленку.

— Я — никто.

— Я — никто, — повторил Голос. И зачем-то добавил:

— Станция «Парк Культуры».

— Откуда ты знаешь? — спросила Она.

— Следующая станция — «Октябрьская», — сказал Голос. — Я умею вы-полнять желания.

— Любые?

— Да.

— Отвези меня домой.

— Не могу, — Голос снова сел. — Двери закрываются.

— А говоришь — любые.

— Любые, — повторил Голос и снова добавил:

— Осторожно. Двери закрываются.

Она подумала: «Тогда сделай так, чтобы я стала сухой и чистой. Мо-жет, смогу заснуть». Но просить об этом вслух было неловко. Поэтому Она сказала:

— Тогда отваливай и не мешай мне спать.

— Твое желание услышано и будет исполнено, — равнодушно сказал Голос и отключился.

Спустя полминуты, наполненных нервным ожиданием, Она увидела в соседнем вагоне три больших оранжевых пятна, похожих на расправлен-ную мандариновую кожуру. Пятна приближались, и Она вдруг поняла, что оранжевые пятна — не что иное, как дорожные куртки рабочих. Спа-сена, подумала Она и закричала:

— Ау, ребята! Выпустите меня отсюда!

Ребята шли по направлению к ней, но шаг не ускорили. Было что-то в их походке, отчего Ей стало не по себе. Когда одно из пятен, дойдя до запертой двери, протиснулось в герметичную резиновую щель, Она чуть не обмочилась от ужаса.

Второе пятно, не доходя до двери, вылетело в окно и обошло тамбур снаружи, после чего легко запрыгнуло в ближайшую открытую форточку Ее вагона. Третье пятно просто исчезло, чтобы спустя миг появиться в метре от нее.

Когда вся троица подошла поближе, она смогла разглядеть то, что скрывалось под яркими форменными куртками. Нельзя сказать, что это были люди, но сходство с людьми бросалось в глаза. То, что запрыгнуло в форточку, было похоже на красивого мальчишку лет восемнадцати. То, что протиснулось в дверь, носило личину крепкого мужика за сорок. То, что приблизилось само собой, оказалось вызывающе красивой бабой лет двадцати пяти.

Все трое были бледны, молчаливы, хороши собой. Сняв шутовские куртки, они оказались в вечерних туалетах на голое тело.

Она поняла, кто они и зачем пришли. Поняла, что разговаривать с ними не о чем и не за чем. Тогда она обратилась к Голосу, полагая его винов-ником всех безобразий.

— Я хочу дожить до утра! — заорала Она. — Ты мне брось эти свои штучки!

В ответ по вагонам прокатился шорох, какой бывает на стертом участке кассеты. И стих.

Она понимала, что сопротивляться теньям будет себе дороже. И позво-лила себя раздеть, не пикнув. Их руки были ласковы и ловки, они не при-ставали с нежностями и вели себя, можно сказать, деловито.

Раздев ее догола и раздвинув ноги, они установили очередь к роднику. Первым, хлюпая и причмокивая, к ее подружке припал мужчина. Он пил жадно, бесцеремонно. Его руки лежали на ее бедрах, и ей было странно, что от ледяных пальцев может разливаться по телу такой сильный, лихо-радочный, жар.

Мужик этот был, вероятно, главным, потому что выпил почти все, что было. Его гуттаперчивый язык проникал на самое дно, вылизывая кровь до капли. Наконец, он

насытился и, отпрянув, улегся на соседнюю лавку с таким видом, будто ждал, что ему принесут завтрашние «Вести» и включат футбольный матч по ящику. Кровь чернела на его щеках, как недельная щетина.

Женщина оказалась здесь по другой нужде. О чем дала понять, легко похлопав Ее по низу живота. Для скопившейся там влаги этого приглашения оказалось достаточно. Она принялась стыдливо мочиться на свою неожиданную няньку, а та ловко размазывала по телу то, что не успевала проглотить...

Да, кстати! Я совершенно забыл сказать, что к этому моменту нашу героиню скрутило такое возбуждение, что она рисковала раскрошить крепко стиснутые зубы. Из нее давно уже рвался крик, но, представьте, она боялась спугнуть трех вежливых избавителей. Поэтому старалась ловить кайф тихо, как школьница в чулане.

И все же застонала, когда, сменив насытившуюся девку, к ее нижним устам припал мальчишка. Этот освобождал ее от чего-то тайного, от не-названной и неприметной на вид грязи. Мимоходом вылизав дочиста все, что оставалось снаружи, он проник под кожу, шампанским запенился в сердце, раздул легкие, как детские воздушные шары. Ей показалось, что она поднимается в воздух. А может, так оно и было. Она проливалась наружу каким-то многолетним илом, которого прежде и знать не знала. Мальчишка отмывал ее тело и душу до крахмальной, хрустящей белизны. Отмывал от последней заплесневевшей мыслишки, от распоследнего червивого воспоминания.

Как он это делал? Она не знала и не хотела знать этого. Даже когда за-билась в окончательных, похожих на агонию, судорогах. Эти судороги были — счастье. Это счастье было — пустота...

Пролежав вечность без единого движения, без единой мысли, Она оч-нулась и оглянулась по сторонам. Трое исчезли, прихватив с собой куртки. Что ни говори, а желание было исполнено. Сухая и чистая, она готова была безмятежно заснуть.

— Спасибо, — сказала Она Голосу, одеваясь.

— Не за что... — Ей показалось, или в Голосе действительно мелькнуло смущение. — Следующая станция «Октябрьская».

— Я не хочу, чтобы они ушли насовсем, — сказала Она.

— Месячная кровь — приворотная, — сказал Голос. — Они еще вернутся. Только не зови их слишком часто.

— Хорошо, — сказала Она. — Мне все это снится, правда?

— Осторожно. Двери закрываются...

— Ну, скажи, снится? Снится? — Она заплакала.

— Следующая станция «Октябрьская», — Голос сполз вниз и карика-турно басил, как будто лента застряла основательно.

— Да, — сказала Она. — Мне это снится. А жаль...

С этими словами Она вытянулась на лавке и повернулась к спинке лицом. Из динамиков тихо, как дождь, полилась музыка. Что-то из Хорошо Темперированного Клавира, если не ошибаюсь.